

Елена МИХАЙЛИК

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 года живёт в Сиднее, преподаёт в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии. Стихи и статьи публиковались в антологиях «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019). Автор четырех книг стихов. В «Волге» стихи публикуются с 2013 года.

А что у вас там говорит звезда, отзываясь другой звездой?
Углерод, кислород, неон, азот, кремний, железо, хром.
Как химия мозга, как города, кораллы в теплой воде
производят каждый будущий год – и тот, что случится потом.

Астрологи правы (и при барышах) – только ходом светил и жив
наш мир, состоящий из света звезд и их посмертных даров:
ритм в пульсометре и ушах диктует лунный прилив,
древний взрыв сделал прочными кость и мост, и непрочной – розу ветров.

Отзываясь звезде, навстречу летят ничьим осадочным сном,
офицерик этот – два века назад,
на немецком тот – столетье назад,
и Домбровский в шестидесятых, рядом, подряд,
уже на совсем родном.

А у нас поменялись давление и ветер, по заливу, ругаясь, пошел трамвай.
Перестали работать карты созвездий, соцветий и маршруты подземных стай.
И не то чтобы глобус попал под автобус и реальностью сделался Меркатор,
просто раньше был фикус – а нынче лотос, и готовили – бигос, но в миске – логос,
у оркестров музыка раскололась и смещается до сих пор.
Но и раньше (сирень горит ли, парит ли, чем сладка, почему вокруг)
точно так мы и жили – на рифме и ритме, мир ощупывая на звук,
как летучие мыши (сбой в эхолоте означает крушение, мираж, разрыв),
создавая законы прямо в полете, как саперы – прав, пока жив.
Ну, тревожный ветер, а не творожный, ну, по жилам – кровь, а не газ,
но доехать до дома – еще возможно, если цел словарный запас.

А в нашем полушарии – благодать:
если лес горит – так там эвкалипт, он самостоятельно, без обстрелов берет, горит,
размножается пожаром из года в год.

Если вода – это дождь идет в города, тоже сам по себе, его никто сюда не ведет.
Если воздушный фронт разбрасывается черепицей или двойным кирпичом, то страховка включает ремонт, но самое главное – люди тут ни при чём.

В общем, удобно – специалисты давно придумали, как дышать,
(в этих обстоятельствах и вообще), как плыть. Налаженный быт.
Кстати, со всем остальным: просыпаешься утром – и в этом часовом поясе не
нужно ждать и гадать,
можно сразу же посмотреть, кто цел, кто убит,
кто внезапно возник посреди страницы, живой, несколько лет спустя, с
обугленной головой.

В остальном между молекулами (или системами) этого небесного рукава
внезапно потеряна связность – пропадают частицы, не добивают прожектора.
Но почти наверняка для завтра отыщутся неточные – но слова.
Нашлись же вчера.

я молотилка сеялка и веялка
супрематилка греялка и реялка
носилка и кормушка языка
ловушка погремушка

как из наших из ворот потрохом наоборот
вышел тигр, сожрал евфрат – и никто не виноват

уловилка чего-то там вокруг издалека
дробилка новостей на облака
подземного пожара лесопилка
разомкнуты разведены края
всегда на долю речи отстоя
от власти сделать воду настоящей
внутри дыры внутри зонта гори
по времени впадая изнутри
не прекращаясь как пандорный ящик

как на нашей-то луны есть часы заведены
как закончится завод так закончится завод

нет место нет глагол случайность свет
но инструмент пока не съет не немт.

Русалка плывет по волне голубой, озаряема крупной луной.
Художник лежит под опорой моста, любясь движеньем хвоста.
Сменилась давно парадигма на дне, биология нынче в цене.

Плавучим покойникам, радость моя, положены хвост, чешуя,
двойное (в основе – железо и медь) дыханье, чтоб плавать и петь,
способность питаться, желанье летать, отменные голос и стать.
В реке (по причине оптовых смертей) становится больше детей,
и скоро потянется клин под водой на юг, где планктон молодой
качается щедро на плотной волне, для роста пригоден вполне.
Художник рисует на глине маршрут – волны прочтут и сотрут...
Он скоро и сам по кусочкам сплывёт (прибывает разлив что ни год)
цепочку питания делить с клыкачом... а Лермонтов здесь ни при чём,
сюжет изменился и (тоже) сгинул на юг, его полихеты клюют,
и рыба, встречая зубастых гостей, не знает, за что это ей.
Когда возвратятся (нет, не волшебство), не вспомнят уже никого.
А то, что поют – так, что плавится лёд... так кто ж на реке не поёт.

Явилась артель «Напрасный труп» к артели «Напрасный труд»,
(дождь придет, когда сможет)
узнать – кто наибольший душегуб из тех, кто работал тут.
Сорок дней и сорок ночей сводили они баланс,
дошли до ничьей и обратились в Академию де Сиянс.
(Дождь придет, когда сможет.)

Академия наук объективна как Босх, но задача ее непроста.
В пользу первой артели есть перекокс, очевидный как пасть кита.
Вроде, все экономят, никто не зверь (ну почти) или как его, троглодит...
но в любом конфликте побочных потерь – хоть плотину ими пруди
(дождь придет, когда сможет).

И по первым прикидкам, напрасный труд не приносит большого вреда,
ну что-то по капле и по ведру протрачено не туда...
Но отвернешься на пять минут и под кумулятивным давлением льда
без еды и прививок ускоренно мрут изумленные города.
Без сводок погоды, стратиграфии плит, сопромата, анализа рыбьих стай
такой убыток по миру стоит, что война – это просто рай.
(А дождь придет, когда сможет.)

Академия сияет как урановый срез, укладывает данные в штабеля
и требует гнева господня с небес, чтобы начать с нуля.
А сверху ни гнева и ни чудес, лишь по облакам недобрая рябь,
гоморрский огонь как явление исчез и пересохла хлябь.

Астроном, проверив, который час (наверху и внизу, и совсем в ночах), с
омерзением подытожит:

«Придется самим, у них как у нас. Исчерпаны связь и боезапас.
Дождь придет, когда сможет».

Стоматология – воистину царица искусств,
наши зубы куда послушней нам быть могли бы,
но они начинали свою биографию как накожные органы чувств
у доисторической рыбы.

Этот чуткий рецептор, внимательный словно глаз,
эта радуга смыслов, уловленная сквозь воду...
но природа не спрашивает ни зубы, ни рыб, ни нас,
а работает с тем, что выдала ей колода –
а потом тасует колоду.

Миллионы лет, еще миллионы лет,
перекрестные клавиши утратили ритм, значенье,
перестали петь и чувствовать соль и свет, могут только скрипеть и гореть в ответ
на недолжное обращенье.

Где-то в памяти воды, где-то в толще плит,
лишь осколки экзоскелета биолог сыщет...
если новый орган чувств беспробудно спит, а при встрече с миром и морем ноет,
скулит, болит...
осмотрись, проверь – чем он теперь ядовит, и каких живых научился рвать,
превращая в пищу.

Боярыня Морозова любит гулять по утрам,
где заливают розовым рассветную границу
и, не описан прозою, летает небесный хлам –
сойдет загадать желание или кому-нибудь присниться.

Механика мироздания, голубые станки небес
как тесто лепятся на бегу, на честном слове и дофамине,
но с боярыни станется придержать очередной процесс
и побыть вороною на снегу в этой большой картине.

У Третьяковки ветер сердит, ни лотошников, ни сигарет,
мороженный «Рабочий кредит» теряет текст по крупнице.
Инсургент из Вологды поглядит на пылающий снежный след
и сложит палец к пальцу, салютуя безумной птице.

Забубенная казенная, мотив как нож прихватив,
беспардонная буденная идет как ночной прилив.
Время ежится, сутулится, теряет авторитет –
да, уже на нашей улице, и улицы больше нет.

И покуда лихорадочно стекают в лесок, в песок,
персонаж в очках с тетрадкой выходит наискосок,
вот звезда стоит колючая, горит резной палисад...
выжить, видимо, не получится – получится описать.
А чечетка законная крошит и в нечет, и в чет,
и считает, что законная, что в истории подкована –
а она опубликована, целиком опубликована и в тетрадке живет.

Он в тот вечер заказал помидорный салат с базиликом, не с василиском.
Не потому, что второй крылат и питание связано с риском –
просто хотел овощей подесть, на калории не налегая.
А потом накладка. И... этот – здесь. Свежевылупился. Моргает.
Прикупил лягушек, перепелиных яиц, три учебника: для родителей,
ветеринарный и по речевым дефектам,
и рэй-бенковский обруч для глаз (на заказ, для птиц), с искусственным
интеллектом.
Двадцать лет спустя, тот на работу – и был таков, возвратился через сутки,
грузёный, черный,
И сказал, что без запасных очков больше он из дома пером не дернет.
Он налаженный терминал заказчику пер (надо ж делать таким громоздким) –
и случайно «Рей-Бэн» разгрохал об светофор над большим перекрестком.
День пошел совсем наперекосяк – путал все, не помнил расклада,
без бегущей строки говорил не этак, чинил не так, приземлялся куда не надо.
И еще парад... тут сам Азраил без подсказок маршрут не сложит.
(Никого он в камень не превратил. Не желал. Хотя знал, что может.)
За обедом – разбив четыре стекла, залетев к варягам и грекам –
перепутал что-то, сводя салат, принесли, а тот – с человеком.
Да, забрал, куда ж посреди зимы? Переноску, еду, посуду...
Может, вырастет чудищем, как и мы? Ведь бывает на свете чудо.

Еще гуляет гомон беспризорный в общественных местах,
но светофор уже показывает чёрный на всех мостах.
Сотрудники ГАИ не понимают: куда на этот свет?
(ну вообще, оно с людьми бывает –
заходят в бар ольмек, ацтек и майя – а бара нет).
Потом найдут, отстроят службу тыла, фокстрот и снегопад.
И лишь в воде отражено – как было. Да, краем глаза, видишь, так и было –
трамвай, брусчатка, липа, запах мыла – один фотон назад.